

Обзавестись потомством?

Ван Цзиншань на мгновение подумал, что ослышался.

Но какие дурные намерения могли быть у гигантского осьминога?

Спустя шесть лет разлуки чудовище наконец нашло человека, который некогда спас ему жизнь.

По сравнению с воспоминаниями, взрослый мужчина теперь казался совсем крошечным — словно мелкая рыбешка, которой исполин обычно кормился в океане. Хрупкий, изящный, красивый, но слишком малый, чтобы утолить голод. Ему приходилось обвивать тело человека щупальцами с предельной осторожностью, чтобы ненароком не переломить хребет.

«Неужели люди измельчали?» — лениво размышлял моллюск и вскоре понял: нет, это он сам вырос.

Время почти не оставило следов на облике спасенного.

Однако собственная жизнь великана уже близилась к закату. Это знание не вызывало у него тоски — увядание казалось делом вполне естественным.

Лишь одно заботило его перед лицом неизбежного: успеть продолжить род.

Именно ради этого он и выбрался на сушу, отыскивая подходящую самку.

— Ш-ш-ш... — влажное, склизкое щупальце мягко коснулось розовых губ мужчины, будто на что-то намекая.

— Почему... ты... больше... не ешь?

Ван Цзиншань промолчал, чувствуя, как у него кружится голова. Каким образом он вообще понимал этот свистящий, булькающий язык?

Этот безмолвный диалог доказывал худшее: тварь обладала разумом. Перед ним был настоящий мыслящий вид!

Но ведь со школьной скамьи твердили, что сказки кончились. Как такое возможно?

Или это пришелец из бездны космоса, а может, уцелевший реликт древнейших земных эпох?

В голове роились сотни вопросов.

Щупальце на миг замерло, а затем вновь принялось бесцеремонно исследовать его тело, оставляя на коже темные багровые отметины.

Осьминог и рад бы проявить нежность, но его конечности будто жили собственной жизнью.

— Кхэ... — давясь рвотными позывами, Ван Цзиншань наконец вытолкнул изо рта склизкую плоть. Челюсти затекли так, что он не мог сразу сомкнуть губы. Кошмар наяву. Ощущение того, как присоски бесстыдно сжимают его язык и нёбо, выворачивало наизнанку. Столь унижительного, парализующего ужаса он не хотел бы пережить вновь.

Мужчина с горечью осознал: кроме тошнотворного привкуса тины во рту, он не причинил монстру никакого вреда. Лишь сам остался в жалком, непотребном виде.

Сам осьминог даже не заметил, как его конечность, оказавшись во рту человека, попыталась проскользнуть глубже в глотку.

Помимо основного мозга, его нервная система опиралась на распределенные ганглии в щупальцах, из-за чего те часто действовали автономно, игнорируя волю хозяина.

Ван Цзиншаню казалось, что тварь не испытывает к нему злобы, но в то же время он понимал: если так пойдет и дальше, его просто-напросто замучают до смерти.

— Не суй это мне в рот, — хрипло закашлялся он, пытаясь достучаться до разума гиганта. — Я не ем сырое мясо.

Да и как прокусить эту плотную, упругую шкуру? Он же не железными зубами обзавелся.

— Ш-ш-ш... сырое тоже... съедобно. На мне нет... червей. Я... чистый, — неуклюже, обрывистыми мыслеформами отозвался осьминог.

По спине Ван Цзиншаня пробежал ледяной озноб.

Надо же, он знает про паразитов. Насколько же развит его интеллект?

Впрочем, именно в этом крылся его единственный шанс на спасение.

С разумным существом всегда можно договориться.

«Если я докажу свою полезность, он отпустит меня?» — подумал мужчина.

Пусть вероятность ничтожно мала, это лучше, чем безропотно ждать конца.

— Я ем только жареное, — пояснил Ван Цзиншань, отчаянно жестикулируя.

— Здесь... нет... огня... — медленно отозвался моллюск.

Удивительная сообразительность. Общаться с ним действительно можно без труда.

Но с чего бы этому существу проявлять такое великодушие и предлагать собственную плоть на ужин?

Размышляя об этом, Ван Цзиншань осторожно повернул голову и спросил:

— Тебе нужна моя помощь?

Их взгляды встретились.

В багровых, немигающих глазах исполина мужчине почудилось нечто, пугающе похожее на нежность.

— Тебе... не нужно... ничего делать, — пророкотал гигант. — Только... вынашивать... детенышей...

Опять эти детеныши!

Ван Цзиншань почувствовал, что рассудок его начинает сдавать.

До него наконец дошло: его воспринимают исключительно как инкубатор.

Постойте. А какого оно вообще пола?

Прикусив язык, чтобы унять панику, Ван Цзиншань выдавил:

— Мы принадлежим к разным видам. К тому же я мужчина, самец. У меня нет органов, чтобы рожать детей!

— Не важно... — донеслось в ответ. — Это... не преграда.

На самом деле осьминог не являлся коренным обитателем этой планеты.

Генетическая память предков нашептывала ему, что их вид способен давать потомство от любого живого существа, независимо от пола партнера.

И какого бы причудливого спутника они ни выбрали, на свет всегда рождались чистокровные осьминоги.

Будь здесь профессор Смит, он без труда объяснил бы этот феномен.

В дикой природе доминируют сильнейшие гены. У этой расы они были настолько агрессивными, что, попадая в чужой организм, мгновенно приживались, высасывая из носителя питательные вещества для созревания плода.

Даже если хозяин был самец, чужеродная ДНК перестраивала его тело, формируя подобие мантийной полости, пригодной для вынашивания кладки.

Подобная репродуктивная способность, стирающая межвидовые барьеры, была слишком противоестественной, а потому отвергалась самими законами природы.

Вид угасал. И к сегодняшнему дню этот гигант, вероятно, остался последним его представителем на Голубой звезде.

«Неужели это самка?» — мелькнула паническая мысль.

Ван Цзиншань поспешно опустил взгляд на присоски. Старый рыбак когда-то учил его отличать самцов от самок: у женских особей присоски ровные, расположенные аккуратными рядами. У самцов же они разного размера, хаотичные и несимметричные.

Присмотревшись, он понял, что перед ним все-таки самец. Это принесло минутное облегчение.

Но следом пришел куда более жуткий вывод.

Что, если этот самец... предпочитает самцов?

Щупальце монстра похотливо и неторопливо скользило по его предплечьям, бедрам, лодыжкам, обвивая поясницу... Лицо Ван Цзиншаня сделалось мертвенно-бледным.

Его изнасилуют?

Нет, он просто погибнет.

Его тело, крепкое по человеческим меркам, для этой твари было хрупким, словно яичная

скорлупа.

Осознание реальности заставило его задрожать мелкой дрожью.

Один лишь образ грядущего казался страшнее самой гибели. Липкий, первобытный страх сковал разум.

В эту минуту офицер Ван забыл о гордости и профессиональном достоинстве.

— Пожалуйста, не трогай меня, — взмолился он. — Я сделаю все что угодно! Все, что попросишь, только не это!

Исполин замер, словно взвешивая его слова.

Благодаря присоскам он чутко улавливал любые перемены в состоянии жертвы.

Страх, паника, глухое отчаяние — человек трепетал, точно загнанный в силки зверек.

— Я... не... трону... тебя, — подчиняясь импульсу, осьминог отвел в сторону свободные конечности, демонстрируя миролюбие. Однако хватку он не ослабил, а самое мощное, толстое щупальце продолжало угрожающе покачиваться перед лицом мужчины. — Но... ты должен... позволить мне... завершить... соитие.

Обычно для зачатия самке требовалось лишь проглотить его гектокотиль.

Но чудовище успело заметить, что у людей дыхание, питание и выделение происходят через разные отверстия.

Для надежности следовало заполнить семенем каждое из них.

— Лучше убей меня, — прошептал Ван Цзиншань.

— Зачем... мне... убивать тебя? — искренне удивился осьминог и слегка наклонил голову.

От этого простого движения мир вокруг перевернулся. Ван Цзиншаня качнуло, перевернув вниз головой. Вода забурлила, открывая взору то, что скрывалось за спиной исполина.

Там, на теле монстра, плотными гроздьями обосновались колонии уродливых балянусов.

Вздувшиеся, бугристые известковые раковины походили на серый лишайник, гнилостные

струпья или жуткую застарелую проказу. Сколько лет, сколько десятилетий они паразитировали на его шкуре?

От одного этого зрелища к горлу подкатила тошнота.

Даже не страдающий трипофобией человек содрогнулся бы от омерзения перед этой картиной.

Но в ту же секунду в уме Ван Цзиншаня вспыхнула спасительная искра.

— Кто сказал, что на тебе нет паразитов? — Он указал пальцем за спину монстра. — Посмотри туда. Ты весь облеплен этой дрянью.

Осьминог попытался дотянуться щупальцем до указанного места, но тщетно.

Этот участок спины оставался для него слепой зоной.

— Тебе разве не больно? — спросил мужчина.

Нашествие усоногих раков способно превратить жизнь любого морского гиганта в непрекращающуюся пытку.

— Больно... — нехотя признала тварь.

Обычно его нервная система просто блокировала сигналы от пораженных участков, избавляя от страданий. Но порой, когда зуд и жжение становились невыносимыми, а дотянуться и поскрести спину не получалось, великан впадал в ярость.

Ван Цзиншань прочистил горло и твердо произнес:

— Давай договоримся.

— О чем?..

— Я избавлю тебя от этих ракушек, а ты отпустишь меня на свободу. Эти твари на твоей спине — паразиты. Если их не убрать, они сожрут тебя заживо, их станет еще больше.

На самом деле осьминога мало заботили непрошенные гости. Однако его органы чувств подсказали: если согласиться, его хрупкий партнер перестанет так сильно бояться.

— Хорошо... — медленно пророкотал гигант.

<http://bllate.org/book/20372/2111994>